

В императорских указах не было ни слова о судьбе Бай Эня. Хан Сиэнь прекрасно понимал мотивы государя. Что бы тот ни замышлял против Бай Эня, он ни за что не стал бы выносить его дело на всеобщее обозрение, выделяя из общей массы.

То, что император в указе клану Бай прямо упомянул их «тяжкие грехи», уже было недвусмысленным проявлением его монаршего гнева. Заходить дальше он не мог. В любую эпоху найдутся проницательные умы; прояви государь свои чувства слишком явно, это заставило бы людей задуматься. Глядишь, и наружу выплыли бы тайны, которые следовало похоронить навек.

Что же до вдовствующей императрицы, Хан Сиэнь полагал, что до конца своих дней она вряд ли переступит порог собственных покоев. Ему казалось, что эта женщина пала жертвой собственной гордыни. Неужели она всерьез верила, будто возвращенное ею тайное войско останется верно госпоже, лишившейся всякого влияния? Слишком долго она носила титул владычицы поднебесной, слишком привыкла смотреть на всех с заоблачной высоты.

Возможно, император на мгновение и испугался её готовности пойти на взаимное уничтожение, решив временно пощадить Бай Эня. Но пройдут дни, и на что сможет рассчитывать опальная вдова? Каким влиянием способна обладать женщина в глубине гарема, чей родной клан уничтожен под корень? К тому же расследование дела о покушении зашло в тупик лишь на первый взгляд: теперь все нити вели к императрице. Стоит палачам развязать языки заговорщикам — и последние крохи её бывшего величия развеются как дым.

Прояви император хоть каплю жестокости, и дворец его матери превратится в холодную темницу. И обитать там будет уже не грозная владычица, а обычная дряхлая старуха — всеми забытая и глубоко несчастная.

В прежние годы государь отличался слабостью характера. Однако после кончины Ван Ина и избавления от вечной опеки матери он, пусть и сохранял облик милостивого правителя, прислушивающегося к сановникам, наконец-то вкусил сладость единовластного правления. К тому же за последний год, пока Хан Сиэнь сеял смуту при дворе, император спокойно пожинал плоды чужих трудов, и жизнь его была на редкость безмятежной.

В последние годы вдовствующей императрице не давали покоя тайные замыслы, и она всю собирала под своим крылом верных людей ради будущего Бай Эня. Вот только времени у неё было в обрез, да и среди её ставленников далеко не каждый отличался преданностью. Что же касается того пресловутого письма, которым она грозила сыну... когда император полностью приберет её к рукам, еще неизвестно, за кем останется последнее слово.

Впрочем, Хан Сиэнь лишь вскользь подумал об этом. В столице тем временем разверзлась настоящая буря. Камеры Министерства юстиции и Верховного суда были забиты до отказа. Толпы праздных любопытствующих едва не разнесли двери казематов, пытаясь разузнать хоть что-то, однако под замок угодили лишь слуги опальных вельмож, но никак не главные

виновники.

Самих заговорщиков под строжайшей охраной личной гвардии императора томили в глубинах подземных темниц, так что никто во внешнем мире не ведал, какая драма разыгралась в императорских покоях. Единственным человеком вне дворцовых стен, кто знал всю правду, оставался Хан Сиэнь. Но расспрашивать его никто бы не решился — разве что самоубийца.

Столичные чиновники спешно попрятались по углам, стараясь лишний раз не привлекать к себе внимания. И тише всех вело себя поместье герцога Хань. На сегодняшний день из всех сыновей императора невредимыми вышли лишь двое: Первый принц Цзи Фань и Пятый принц Цзи Хуай.

Цзи Фань слыл безрассудным воякой и не пользовался любовью при дворе. Зато Цзи Хуай во всех отношениях казался достойным наследником, за чьей спиной к тому же высился мощный оплот в лице родного клана Хань.

Кое-кто из мелких чиновников, мечтавших взлететь к вершинам власти на волне перемен, попытался было тайно выразить преданность герцогу. Однако Хан Чжо без лишних разговоров указал просителям на дверь, не пожелав связываться ни с кем из них.

Охранявшая поместье императорская гвардия давно отступила, но после случившегося в столице надзор у ворот стал строже прежнего. Даже слуги, выходившие на рынок за припасами, держали рты на замке, боясь ненароком навлечь на дом беду.

Но как ни старался Хан Чжо сохранить видимость бесстрастия, обитавшая во дворце наложница Сянь-фэй и старая госпожа Хань ликовали втайне. Они видели в происходящем долгожданный, благословенный час для возвышения Пятого принца Цзи Хуая.

Будь все как обычно, клану Хань, как родственникам принца по материнской линии, следовало бы исподволь склонять сановников к подаче прошений о назначении Цзи Хуая наследником престола. Но Хан Чжо, будучи фактическим главой дома, понимал куда больше. В конце концов, именно Хан Сиэнь низверг Второго и Третьего принцев в бездну опалы. Одно это заставляло герцога действовать с предельной осторожностью.

Старая госпожа не раз заводила с ним об этом разговоры. Даже наложница Сянь-фэй, презрев опасность, сумела передать из дворца весточку с вопросом: не означает ли всё случившееся, что Хан Сиэнь наконец одумался и решил помочь Цзи Хуаю в борьбе за трон?

Хан Чжо и сам отчаянно желал верить в подобные иллюзии — поверить, будто ненависть Хан Сиэня испарилась, и он, осознав долг перед родом, решил возвысить кузена. Но здравый смысл брал верх. Подобные чудеса бывали лишь в сказках. Хан Сиэнь и герцогский дом стояли по разные стороны баррикад, и этот безумец никогда не сменит гнев на милость.

Хан Чжо безжалостно развеял девичьи грезы сестры и матери, велел обеим затаиться и,

главное, любой ценой избегать раздоров с Хан Сиэнем и Хан Минчжу.

Старая госпожа, хоть и затаила обиду, уступила доводам сына. Памятуя о былых безумствах старшего внука, она, скрепя сердце, решила стерпеть его присутствие.

«Пусть порезвится еще немного, — утешала себя старуха. — Когда пыль уляжется, его жизнь и смерть будут целиком в моих руках».

Домашние почитали свое молчание величайшей милостью и снисхождением к Хан Сиэню. Вот только сам юноша более терпеть их не намеревался.

С того самого дня, как Хан Сиэнь покинул дворец, он безвылазно сидел в дворике Душистых Орхидей. В часы праздности он читал книги, в остальное же время просто неотрывно глядел в окно.

Зима окончательно вступила в свои права, сковав столицу лютой стужей; морозный воздух был столь густым, что каждое сорвавшееся с губ слово превращалось в облачко белого пара.

Служанки во главе с Чэнь Сян преданно заботились о молодом хозяине во внутренних покоях, тогда как Ань Цао целыми днями пропадал снаружи, выведывая любые слухи о семействе Бай. Молодой господин не давал ему подобных поручений — слуга действовал по собственному разумению.

События в столице породили лавину сплетен, но Ань Цао мало заботили интриги принцев и знатных родов. Его волновала лишь судьба Великого генерала Бай Вэньхана и молодого господина Бай Шу. Они были его спасителями. Услышав, что благодетелей лишили чинов, приговорили к наказанию палками и сослали на границу, Ань Цао едва находил себе место от тревоги — ведь он едва ли не молился на них каждый день.

К тому же Ань Цао не раз замечал, как внезапно Бай Шу появлялся перед Хан Сиэнем, и тот ни разу не прогнал его. Должно быть, они были близкими друзьями. Из-за своего положения наследник не мог самолично собирать слухи, а значит, долг преданного слуги велел облегчить бремя хозяина.

К счастью, узнать о судьбе генерала и его сына оказалось куда проще, нежели о тех членах клана Бай, что томились под стражей. Собрав сведения воедино, Ань Цао без утайки выложил все хозяину:

— Молодой господин, генерал Бай и господин Бай Шу покинули столицу на следующий же день после того, как вышли из дворца. Оба они были жестоко избиты, палачи не поскупились на удары. Говорят, раны их были столь глубоки, что они даже подняться не могли. Но

высочайший указ повелел им немедленно отправляться к заставе Небесных Врат в Сицзяне, так что их уложили в повозку и повезли. Люди болтают, будто сквозь щели в днище телеги всю дорогу сочилась кровь, окрашивая снег на тракте в багровый цвет... Молодой господин, в Сицзяне сейчас лютая стужа, а они изранены. Вдруг в дороге случится беда? Как они выдержат этот путь?

Ань Цао начинал рассказ спокойно, но под конец не сдержался и с горечью запричитал. По его мнению, император проявил черную неблагодарность к генералу, который столько лет проливал кровь за государство и стяжал славу на полях сражений.

Избить до полусмерти, а после выгнать из столицы в такую непогоду — разве это не верная гибель? Переживая за спасителей, слуга невольно давал волю чувствам, забывая о почтительности.

Выслушав его, Хан Сиэнь даже бровью не повел. Он лишь лениво приподнял веки и холодно обронил:

— Если ты так недоволен решением государя, можешь подать прошение и умолять о пощаде для них.

Лицо Ань Цао пошло пятнами от смущения.

— Молодой господин... — пробормотал он, сокрушаясь в душе. Будь у него хоть тысяча жизней, разве посмел бы простой слуга предстать пред ясные очи Сына Неба?

Отослав слугу, Хан Сиэнь остался сидеть на крытой галерее, безучастно взирая на голые ветви вутонов в саду. В его голове не раз мелькала мысль послать Бай Вэньханю и Бай Шу тысячу лянов серебра в качестве некоего возмещения, но всякий раз, когда он брал в руки банкноты, рука его застывала. В конце концов деньги возвращались на дно сундука.

Возможно, изгнанники и нуждались в средствах по дороге в Сицзян, но раны, нанесенные их преданности и вере, не исцелить никаким серебром. Хан Сиэнь понимал: для них он — истинный виновник трагедии, злейший враг, разрушивший их жизни.

По вине его разоблачений кланы Бай и Ши оказались на краю гибели. Множество ни в чем не повинных людей будут увлечены в пучину этой катастрофы. Когда прозвучит окончательный приговор, улицы столицы, возможно, омоет целое море крови.

Он не раскаивался в содеянном, но совершенное нельзя было просто вычеркнуть из памяти. Блестящее будущее Великого генерала Бай Вэньханя рассыпалось прахом, теперь ему придется начинать всё с чистого листа на дикой окраине империи. Путь в Сицзян долог, а зимняя стужа безжалостна; вряд ли эта дорога окажется мирной.

От этих мыслей виски заломило тупой, ноющей болью.

«Я уберег Бай Шу от смерти, но разрушил его привычный мир до основания, — думал он. — Не плачу ли я злом за добро?»

Когда на Хан Сиэня находила хандра, он предпочитал вымещать злость на ком-нибудь другом. Этот день не стал исключением, а поместье герцога Хань всегда изобиловало подходящими мишенями. Не прошло и четверти часа после того, как юноша покинул свой дворик, как в ледяные воды пруда в глубине сада с громким всплеском полетело живое тело.

Бедолагой оказался не кто иной, как старший молодой господин второй ветви рода — Хан Юэчжун. Пронзительные девичьи вопли мгновенно разорвали гнетущую тишину усадьбы. Слуги, содрогаясь от озноба, попрыгали в леденящую воду. Перепуганная служанка, ставшая свидетельницей расправы, вздохнула рассказывала, что стоило двум кузенам сойтись на дорожке и обменяться парой слов, как Хан Сиэнь без лишних разговоров отвесил брату тяжелый пиннок, отправив того напрямик в пруд.

Но хуже всего было то, что, когда несчастный попытался выплыть, Хан Сиэнь подобрал какую-то палку и принялся безжалостно толкать его обратно на глубину. Вдоволь налюбовавшись на отчаянно барахтающегося родственника, он не торопясь зашагал прочь. Лишь когда фигура безумца скрылась из виду, слуги осмелились броситься на помощь.

Когда Хан Юэчжуна вытащили на берег, губы его посинели от лютой стужи. Его укутали в несколько ватных одеял и насильно влили три пиалы горячего имбирного отвара, но мертвенная бледность так и не сошла с его лица.

Узнав о случившемся, старая госпожа Хань лично поспешила навестить дрожащего от ужаса внука. Её клюка с глухим стуком раз за разом опускалась на каменный пол. Повернувшись к Хан Чжо, она в ярости ткнула пальцем в его сторону:

— Погляди, какого волка ты вырастил! Средь бела дня топить родного брата! Наш род не потерпит подобного чудовища!

Хан Чжо и сам не ведал, какая муха укусила его старшего сына, а потому под градом упреков матери мог лишь виновато опускать голову, пытаясь умирить её гнев. Старая госпожа ледяным взглядом смерила сына, затем перевела взгляд на безутешно рыдающего Хан Шу и Госпожу Чжан, что каталась по полу в слезах.

— Даже если он пользуется безграничной милостью государя, за это бесчинство придется ответить! — твердила старуха. — Наша кровь — не водица, чтобы безнаказанно лить её на потеху безумцу!

— И какого же ответа вы от меня ждете?

Едва смолкли гневные речи старой госпожи, как со стороны дверей раздался ровный, лишенный тепла голос Хан Сиэня. Юноша задержался лишь для того, чтобы зайти в свои покои и накинуть тяжелый, отороченный мехом плащ, уберегающий от зимнего ветра. Он вошел в залу как раз вовремя, чтобы застать пик обвинений.

Не дав бабушке опомниться, Хан Сиэнь проигнорировал её гневный взгляд и обратился напрямую к отцу. На его лице читалось лишь откровенное раздражение.

— Тебе известно, почему государь обрушил свой гнев на кланы Бай и Ши?

Хан Чжо похолодел от страха. До сегодняшнего дня дворцовые тайны оберегались столь тщательно, что ни одна живая душа не осмеливалась даже шептаться о причинах опалы. Император явно желал похоронить это дело. Если Хан Сиэнь сейчас выболтает секрет, а слухи дойдут до ушей Сына Неба, всему герцогскому дому не сносить головы!

— Молчи! — поспешно оборвал его герцог. — Нам нет дела до государственных тайн! Ответь лучше, за что ты столь жестоко обошелся с братом? Разве он хоть в чем-то перед тобой провинился?

Хан Сиэнь лишь брезгливо усмехнулся, глядя на испуганного отца.

— Я проучил его лишь потому, что он встал у меня на пути, — равнодушно произнес он. — Однако, помня о нашей общей крови, я все же просвещу вас. Считайте это предупреждением, дабы вы успели подготовиться к худшему. Император уничтожает кланы Бай и Ши ради одного — дабы успокоить мятущуюся душу покойного благородного супруга Ван Ина. Он просто отправляет его палачей в загробный мир.

С этими словами Хан Сиэнь тонко, зловеще улыбнулся. Его взгляд скользнул по помертвевшим лицам отца и бабки.

— Если подумать, больше всего покойный супруг презирал именно наш герцогский дом, — вкрадчиво прошептал он. — Господин герцог, вы ведь ради чинов и богатства загнали в могилу собственную законную жену. Скажите, неужели за все эти годы её призрак ни разу не потревожил ваш покой?

Хан Чжо застыл, точно пораженный громом, сердце его пропустило удар. Покойная, о которой говорил Хан Сиэнь, была не кем иным, как его матерью, безвременно ушедшей госпожой Ван.

Госпожа Ван и покойный Ван Ин некогда были ярчайшими жемчужинами в короне своего знатного рода. Ван отличалась кротким нравом и редкой красотой. После свадьбы их совместная жизнь с Хан Чжо казалась безоблачной, и даже старая госпожа Хань поначалу выказывала невестке должное уважение.

Когда Хан Юнь вошла в императорский гарем, все полагали, что родственные узы скрепят союз двух великих семей еще прочнее. В конце концов, в дворцовом омуте верный союзник — залог выживания. Однако никто не ожидал, что едва переступив порог дворца, Хан Юнь начнет строить козни против Ван Ина. А дома старая госпожа Хань, словно по указке, принялась изводить госпожу Ван попреками в бесплодии.

Воспитанная в благородном доме, госпожа Ван безупречно соблюдала сыновний долг и приличия, но свекровь раз за разом находила повод для придирок. Бедная женщина плакала днями и ночами. Хан Чжо же трусливо отводил глаза, а когда наедине расточал супруге нежные клятвы, за его спиной уже маячили смазливые наложницы, щедро присланные заботливой матерью.

Хан Чжо даже плакал в покоях жены, причитая, как ему неловко перед ней. Но воля матери, дескать, священна, и он не в силах противиться сыновнему долгу — а потому молил супругу смириться и потерпеть. И она терпела, молча глотая слезы и снося обиду за обидой.

Но стоило тучам сгуститься над головой Ван Ина во дворце, как положение госпожи Ван в герцогском доме сделалось и вовсе невыносимым. К тому времени она полностью прозрела, разглядев гнилое нутро своего супруга. Она всерьез помышляла о разводе, но внезапно обнаружила, что носит под сердцем дитя. Разумеется, клан Хань ни за что не отпустил бы её с наследником во чреве. Да и родной дом Ван уже клонился к закату, не имея сил защитить даже самих себя, не то что выданную замуж дочь.

Самым страшным для беременной женщины стал взгляд старой госпожи Хань. В нем не было и капли радости от скорого прибавления в семействе — лишь затаенная, змеиная злоба всякий раз, когда взор старухи падал на округлившийся живот невестки.

Роды для женщины во все времена были хождением по краю могилы, а госпожа Ван к тому же носила двойню. Малейшая оплошность повитухи — и три жизни оборвутся в одночасье. Знал ли Хан Чжо о черных помыслах своей матери? Вряд ли несчастную это еще волновало. На восьмом месяце беременности, собрав остатки сил, она вопреки воле мужа уехала в отчий дом.

Едва до нее долетели слухи, что её брат Ван Ин во дворце слег с неизлечимым недугом, госпожа Ван приняла отчаянное решение. Она выпила зелье, вызывающее преждевременные роды. Так и родилась та давняя ложь, будто молодая супруга герцога Хань разрешилась от бремени раньше срока из-за внезапного испуга.